

Духовная проза

Владислав Бахревский

ПАТРИАРХ ТИХОН

Крестный путь

Владислав Анатольевич Бахревский
Патриарх Тихон.
Крестный путь
Серия «Духовная проза (Вече)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43321402
Патриарх Тихон. Крестный путь: Вече; Москва; 2018
ISBN 978-5-4484-7898-7

Аннотация

Этот роман рассказывает о патриархе Тихоне, возглавившем Русскую Православную Церковь в один из сложнейших для неё периодов – осенью 1917 года. Упраздненное при императоре Петре I патриаршество было восстановлено, но императорская власть, которая не только подчиняла, но и служила для церкви опорой, перестала существовать. Под угрозой уничтожения оказалась и сама церковная жизнь в России, а новому патриарху следовало не только принимать сложные решения, но и служить примером для множества людей, стать истинным пастырем, который поможет не потерять нравственные ориентиры в круговороте революционных событий. Во второй книге романа показана деятельность Тихона на посту патриарха, а также дана авторская оценка причин его кончины, последовавшей в 1925 году.

Содержание

Восстановление патриаршества	5
Открытие Собора	5
Отступ	16
Святой жребий	16
Избрание	23
Приготовление души	33
Клобук Никона	39
Первые мученики	48
Восхождение на Голгофу	54
1918 год. Причащение	54
Анафема	60
Отступ	70
Смертный крестный ход	70
Новое небо, новая земля	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Владислав Бахревский

Патриарх Тихон.

Крестный путь

© Бахревский В.А., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Лепта Книга»

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Восстановление патриаршества

Открытие Собора

Колокола Москвы – Песнь песней, убитая навсегда.

Такого Успения не было в веках и не будет. Четыре сотни звонниц звонили день напролет с неубывающей радостью. Души москвичей, взлетев над Златоглавою, ощутили – мир чист от сатаны.

Отслужив литургии в своих приходах, священники и народ крестными ходами с пением двинулись в Кремль, под сень древних святых храмов.

Кремль стал бьющимся сердцем державы, все были счастливы, ибо видели: вот она, Святая Русь, поднялась, как единый человек, единая душа, и встала перед Богом, ожидая милосердия.

Пробиться к дверям Успенского собора не было никакой возможности, но перед архиереями умудрялись расступиться. Через алтарь преосвященных проводили на особое возвышение. И молились в тот день совокупно о России, настоящей, будущей и той, что минула в веках, – десять митрополитов, семнадцать архиепископов, шестьдесят епископов, сто девяносто священнослужителей, а в храме среди народа стояли еще двести девяносто девять мирян – членов Собора.

К концу обедни прибыли правители: премьер-министр Керенский, министр внутренних дел Авксентьев, Карташов, Родзянко, Руднев...

Митрополит Владимир с амвона прочитал грамоту Святейшего Синода об открытии Всероссийского Церковного Собора и предложил начать деяние Символом веры.

Вся Москва, пришедшая в Кремль и на Красную площадь, радостно возвещала миру: «Верую во единого Бога, Отца Вседержителя, Творца небу и земли...»

Из храма Успения сквозь раздавшийся народ члены Собора со священными песнопениями двинулись к Чудову монастырю поклониться мощам святителя Алексия, земного создателя Московского царства, небесного его покровителя.

– Керенский! Керенский! – узнали люди своего героя.

– Ура!

– Ура-а-а! – грянули те, кто видел человека во френче и кто не видел и даже не знал, чего ради все кричат.

Под «ура!» пятьсот семьдесят шесть членов Собора, потеряв исчезнувшего Керенского, через Спасские ворота вышли к Лобному месту. Золотой лес хоругвей, сияние икон, золото риз архипастырей и пастырей. Солнце. И колокола, колокола...

Но вот начался молебен – звон умолк. Москва внимала молитве:

– Да будет Господь среди собравшихся во имя Его, да ниспошлет Он на них Духа Своего Святого, наставляющего на

всякую истину, да поможет Он Собору произнести решения и совершить дела истинно во славу Его, в созидание святой Его Церкви и на пользу и умиротворение нашей дорогой и многострадальной Родины.

Люди тяготятся долгим покоем, но как буря – кидаются перед Богом на колени, моля о тишине.

И не ведали ни мудрые пастыри, ни уличные простаки, вот уже три года обремененные войной, что у страдания нет дна. То, что нынче кажется пределом падения, завтра будет желанной вершиной, возвратиться на которую и в мечтах невозможно.

Молебен кончился. Крестные ходы под малиновые звоны двинулись к своим храмам.

Познав счастье народного единения, каждый участник того дивного события чувствовал в себе эту дивную русскую силу. Душа, исстрадавшаяся среди бесконечных потрясений, окунулась в восторг, и верилось – бедам в России больше места не будет.

Вечер тоже удался. Золотой, во все небо закат, но любоваться красотами времени не было. Под неумолкающий благовест Тихон приехал в Лихов переулочек, в Епархиальный дом, проверить еще раз, все ли готово к завтрашнему дню. Нет ли каких просьб, жалоб.

Была высказана тревога о разбросанности членов Собора по Москве, всем нужно подавать лошадей, автомобили.

– Когда начнутся заседания, – сказал Тихон, – большин-

ство членов Собора будут размещены в здании духовной семинарии, в Каретном ряду. Епископам, правда, придется жить в классах по двое, по трое, для священников и мирян – дортуары... Но когда еще придется их преосвященствам поспать на семинарской койке?

Из просителей была игуменья Турковицкого монастыря мать Магдалина. Явилась за благословением поставить телефон в комнате архиепископа Евлогия.

– Но у меня нет телефонов! – удивился Тихон. – Я для владыки комнату еле-еле отстоял.

– Телефон будет, благословите!

– Благословляю! – обрадовался Тихон. – Вы ведь и лошадами умудряетесь владыку снабдить.

– С Холмщины пригнала. Свои лошади в Москве – это такая экономия. – И вдруг спросила с поклоном: – Владыка! Не возьмут ли на Соборе верх обновленцы? Среди членов Собора их немало.

– С Божьей помощью устоим! – улыбнулся Тихон.

– Ваше слово – наша вера! Спасибо, владыка, на сердце полегчало. Господи, такого Успения, как нынешнее, не забыть! День святой, колокола звонят, да вот беда – сомнения уже копошатся в душе, как зверята.

– Ну их, ваших зверят! – всплеснул руками Тихон. – Всякое надо ждать, но правда у Бога.

16 августа об успехе Собора молились в храме Хри-

ста Спасителя. Литургию служил Тихон, митрополит града Москвы.

Сразу после службы епископы в мантиях вышли из алтаря и заняли места на красных скамьях, поставленных полукругом посреди храма. Остальные соборяне заняли места с обеих сторон.

Первое слово – первенствующему члену Синода митрополиту Владимиру Киевскому. Потом пропели стихиру «Днесь благодать Святаго Духа нас собра». От Временного правительства говорил министр исповеданий Карташов. От Синода – Платон, экзарх Грузии, от Москвы – Тихон.

– Верующая Москва, – сказал владыка с надеждою, – ожидает от Собора содействия и в устройстве государственной жизни... Ныне Родина наша находится в разрухе и опасности, почти на краю гибели. Как спасти ее – этот вопрос составляет предмет крепких дум. Многомиллионное население Русской земли уповает, что церковный Собор не останется безучастным к тому тяжелому положению, которое переживает наша Родина. Созерцая разрушающуюся на наших глазах храмину государственного нашего бытия, представляющую как бы поле, усеянное костями, я, по примеру древнего пророка, дерзаю спросить: оживут ли кости сия? Святители Божии, пастыри и сыны человечески! Прорцыте на кости сухие, дуновением Всесильного Духа Божия одухотворите их, и оживут кости сия и созиждутся, и обновится лице Свято-Русския земли!

Приветствиям и речам не было конца. Говорили от имени академий, университетов, от армии и флота и прочее, прочее...

XX век уже властно перетряхивал жизнь планеты, а люди все еще не умели жить по-новому. Новое заключалось в быстроте, в стремлении ухватить суть всякого дела, отмечая застарелую чопорность и многословие.

Только на третий день Собор занялся делом: избранием Президиума и председателя Собора.

Казалось бы, место председателя должно было остаться за первенствующим митрополитом Владимиром, но ожидали баталий, а Владимир отличался чрезмерной деликатностью и на больших сборищах терялся.

Выдвинули распорядителя Собора митрополита Тихона. Проголосовали. За – четыреста семь делегатов, против – тридцать три. От епископов в товарищи председателю избрали Антония (Храповицкого) и Арсения (Стадницкого), от священников – протопресвитера Успенского собора отца Николая Любимова и протопресвитера отца Георгия Шавельского, от мирян – князя Трубецкого и Родзянко.

Огромную работу по пересмотру всех церковных дел разделили на двадцать комиссий.

И снова сделали перерыв. Съездили поклониться мощам Сергия Радонежского: да благословит великое церковное дело.

Собор, увы, не убавил бедствий ни в стране, ни в Москве.

19 августа загорелась Трехгорная фабрика. Были взрывы, был грабеж под прикрытием огня.

Через три дня еще удар – пала Рига. В Москве своя война: на Солянке толпа устроила погром еврейских магазинов. Погромы прокатились по Подмоскovie. В Коломну, в Серпухов военный министр Верховский посылал карательные экспедиции. Порядок удержали. Но страну шатало.

1 сентября Временное правительство объявило манифест: «Государственный порядок, которым управляется Русское государство, есть порядок республиканский. Правительство провозглашает Российскую республику». Для укрепления власти была образована Директория, совет пяти: Керенский, Терещенко, Верховский, Вер-деревский, Никитин.

Военный министр тотчас объявил о сокращении численности армии. Ради боеспособности, ради экономии. В новом Кабинете министров несколько министерских портфелей было отдано евреям: финансы возглавил Бершадский, пути сообщения – Неверовский, юстицию – Малянтович.

На выборах в Московскую думу победили большевики: пятьдесят один процент мест.

А в Тамбове народ избрал своим председателем каторжанина Голощапова. За ним числилось двадцать два убийства.

В природе тоже неистовство. 2 октября в Москве стояла тридцатиградусная жара.

Церковный же Собор, на который было столько надежд,

тонул в говорильне. Главный вопрос – кому управлять Церковью: Святейший Синод или все-таки святейший патриарх?

Тихону как председателю приходилось вслушиваться в каждое слово ораторов.

Богослов Сперанский убеждал:

– Верховный пастырь российский – патриарх. Он будет объединять нас духовно, но даже поможет и материально. Кто же возьмет на себя Крест Христов – крест борьбы, страдания за Церковь? Дайте того, кто бы во время гонений или притеснений Церкви государством мог, подобно Иосифу, дерзновенно войти к Пилату!

«Господи! Ведь накличат беды все эти умники», – думал Тихон, огорченный подобными пророчествами.

Священник Востоков тоже стоял за избрание патриарха, но говорил не о грядущих бедах, а о беде за дверьми самого Собора:

– Нынче наша разруха, ужасы нашей жизни, вообще трагические переживания русского народа – всей своей совокупностью повелительно говорят: да будет снова на Руси патриарх! И вот почему. Мы переживаем время, когда таинственная, но страшная сила ополчилась на Крест Господа Иисуса Христа. Всемирная могущественная антихристианская организация активно стремится опутать весь мир и устремится на православную Русь. Но когда объявлена война – нужен еще и вождь, и этот вождь нужен и нам, и нашей войне.

Мирянин Рубцов, инспектор народных училищ из деревни Рахманиново Тверской губернии, пугнул членов Собора тьмой веков:

– Восстановление патриарха означает перевод нас из XX века в XVII.

С мест послышались крики:

– Довольно! Довольно!

Но Рубцова поддержал юрист Радзимовский:

– Голосовать за патриарха вообще не могу, так как не знаю, каков будет объем его власти и каков будет порядок его избрания.

Тихон дал слово протоиерею Бекаревичу.

– Масоны на конгрессе постановили: ловите момент, когда на Руси будет низложен держащий. Гоните попов, осмеивайте религию – этого вы достигнете благодаря темноте русского народа... Распространяется древний гностицизм, спиритизм, каббала, теософия, отрицающие Христа. И я думаю, что нам нужен патриарх, который и принял бы на себя борьбу с новой религией.

«Это не пастыри, это политики, – вздыхал про себя Тихон. – Патриарх и для сторонников только оружие».

Астраханский епископ Митрофан хотел в святейшем видеть «представителя подвига и дерзновения».

Тотчас поднялся хор страшившихся патриаршей диктатуры.

Им всем ответил протоиерей Добронравов, законоучи-

тель Александровского военного училища:

– Вы даете патриарху силу лилипута, а требуете от него богатырских подвигов. Вы не даете ему ничего, а говорите: «Он встал и спас». Что-нибудь одно из двух. Или говорите прямо, что вы хотите дать патриарху всю полноту власти... Или же перестаньте говорить о богатырях и вождях и сознайтесь, что патриарх не будет гранитным колоссом в Церкви, а сделается одною лишь декорацией, правда красивой, но едва ли нужной.

И вдруг все переменялось: на путь истины наставил даже самых крикливых, самых просвещенных ужас переворота.

26 октября из Петербурга приехал товарищ министра исповеданий, член Собора Котляровский. После его сообщения в зале заседаний разразилась тишина: Временное правительство арестовано, власть у Ленина, у Троцкого...

Предстояло выслушать еще девяносто ораторов, но все это казалось теперь бессмысленным – Россия в руках безбожников. Может, всего лишь на день, на два... Но ведь и Временное правительство держится антицерковных, антихристианских взглядов...

Встал полковник Кубанского казачьего войска граф Павел Граббе:

– Я говорю от группы, у которой шестьдесят голосов... Не сегодня, так завтра вместо речей мы услышим пушки. Предлагаю: первое – прения прекратить, второе – немедлен-

но проголосовать за установление патриаршества в Русской церкви.

Проголосовали. А что еще оставалось делать: впереди тьма неизвестности.

Отступ

Святой жребий

Утреннее правило батюшка Алексий читал в своей келии. Но тишины и в монастыре не было, поднялся какой-то грохот, и батюшка затосковал о своей пустыни. Вдруг окно брызнуло стеклами, и в угол келии тяжело шмякнулся снаряд.

Ужасного гостя монахи вынесли в сад. Владыка Арсений Новгородский, живший в Чудове, благословил всем насельникам говеть. Приобщались Святых Тайн, когда снаряд ударился теперь уже в окно храма, стены вздрогнули от оглушительного взрыва.

Все взоры обратились к раке святителя Алексия: спас от смерти.

Дослужили литургию и с пением тропаря святому заступнику перенесли его мощи в пещерный храм Святителя мученика Ермогена. Гроб водрузили на престол, начали молебен и спохватились: книга с молитвой святителю осталась в соборе.

Киевский митрополит Владимир стал говорить молитву от себя. Слова его были так просты, что всем казалось: владыка беседует с живым, и у каждого теплилась в душе

свечечка веры – святой угодник Алексий не даст погибнуть.

По Кремлю били юнкера. Кремль занимал пятьдесят шестой полк, верный большевикам. Юнкера оказались сильнее, всю ночь они атаковали древние твердыни и утром выбили красных вон.

Монахи Чудова монастыря ушли в катакомбы. Неустанно пели тропарь Казанской иконе Божией Матери «Заступнице усердная».

Ужасавшихся батюшка Алексий ободрял крестным знаменем:

– Держитесь духа Сергия Преподобного.

Иные все-таки плакали, не ведали – Господь удалил их от ужаса, который объял город. Кого-то ставили к стенке, кого-то «шлепали» навскидку, без команд и самостоятельных приговоров.

Война с каждым часом ожесточалась. Большевистский комиссар Израилев посадил корректировщика огня на колокольню храма Христа Спасителя.

В этот день, 29 октября, Господь спас святителя Тихона для дела Своего. Тихон ехал с Троицкого подворья на службу, снаряд разорвался в считанных метрах от экипажа... Пулеметный огонь преградил дальнейший путь, пришлось вернуться.

Монахи и монахини кремлевских монастырей целую неделю прятались в подземельях, а Собор продолжал работу. 30 октября профессор Соколов сделал доклад об известных в

истории Церкви избраниях патриархов.

Собор остановился на практике святого Константинополя: голосовать кандидатов; во втором туре из троих, получивших большинство, епископы тайным голосованием избирают достойнейшего.

Бои шли на Красной площади, на вечно воинственной Пресне, в Замоскворечье. Пушки били по Думе, по телефонной станции, но в Лиховом переулке голосовали.

Собор единого мнения не имел. Делегаты внесли в списки двадцать три кандидатуры. Опять был назван Александр Дмитриевич Самарин, от белого священства – Шавельский...

Четыре раза выстраивались члены Собора перед урнами. Наконец 31 октября кандидаты для архиерейского голосования были определены: архиепископ Антоний (Храповицкий) – сто пятьдесят девять голосов, архиепископ Арсений (Стадницкий) – сто сорок восемь, митрополит Тихон (Беллавин) – сто двадцать пять.

Владыка Антоний свое первенство принял как должное. Разве не он ратовал за патриаршество и всячески был ущемлен за свою верность древнему канону царем, обер-прокурорами? Всем известно – Антоний (Храповицкий) не только властен, но и деловит. У него дар духовного строителя. Хотят возждя, а кто из троих возждь? Арсений, ужасающийся самой возможности получить в руки патриарший посох? Тихон – этот бодрячок-среднячок? Когда, кого, куда

вел он за собою? Исполнитель Божьего дела, и только.

Владыка Арсений и впрямь просил Бога, чтобы чаша сия миновала его.

Тихон, чуть бледный, стал молчалив, неулыбчив. Кто-то подошел ободрить его:

– Вы третий, но можете быть первым.

– Я отдаю себя в волю Господа, – сказал Тихон.

1 ноября члены Собора не покидали своего общежития в Каретном ряду. По Кремлю били тяжелые орудия.

Знать бы нынче имена «героев», чтобы помолиться о них. Впрочем, комиссар, руководивший огнем, известен: астроном Штернберг. Чужой. Но целился-то по Кремлю свой. Фамилия этого артиллериста Туляков.

Кто-то из пожалевших древние святыни снял с орудий прицелы. Туляков наводил, глядя в дуло. Три выстрела – три попадания. Первым снарядом убил пятерых в двенадцати верстах от Кремля. Вторым – снес трубу на заводе Гужона, третьим – шархнул по Златорожскому валу.

В семинарской церкви члены Собора – епископы, священники, миряне – устроили панихиду по всем павшим на московских улицах и в Кремле.

Избрали делегацию идти сначала в дом губернатора, где находился штаб большевиков, молить о прекращении кровопролития и о том же – в Кремль, к юнкерам.

Возглавлял делегацию митрополит Платон, с ним бы-

ли два епископа, Камчатский Нестор и Таврический Дмитрий, архимандрит Макарьевского Желтоводского монастыря Виссарион, два протоиерея, Бекаревич и Чернявский, два мирянина – крестьяне Уткин и Юдин.

Большевики пропустили к своему комиссару одного Платона. Комиссар уговоров слушать не захотел:

– Поздно! Идите и скажите юнкерам: пусть сдаются.

Платон встал перед комиссаром на колени.

– Оставьте эти ваши штучки! – рассерчал большевик. – Сдадутся – прекратим огонь.

И снова двинулась удивительная процессия по городу под грохот пушек, под посвисты пуль. Впереди крестьяне, в суконных, с белыми флагами, на которых были нашиты красные кресты, за ними протоиереи в епитрахелях, архимандрит с иконою мученика Ермогена, епископ Дмитрий с Евангелием, епископ Нестор со Святыми Дарами и, наконец, Платон с крестом.

Революционные солдаты шапки снимали, крестились, но к Кремлю, где стрельба шла неумолчная, посланцев Собора не пропустили.

2 ноября красные солдаты, подчиненные Военно-революционному комитету, очистили Москву от противоборствующих. Кремль, занятый юнкерами и остатками отрядов Комитета общественной безопасности, верными Временному правительству, все еще отстреливался, но патроны были на исходе.

Вечером члены Собора снова явились в Епархиальный дом. Пора было кончать долгое дело с избранием патриарха.

Епископат заявил: выборщики-архиереи отказываются от своего избирательного права. Пусть судьбу русского православия решит не земля, обогрелая кровью, но вечно чистое Небо. Да назовет святейшего жребий. Однако просили отсрочить день избрания до полного прекращения боевых действий.

А пушки ухали и ухали, и снаряды падали на Кремль.

Кто победит, сомнений уже не было, гонцы понесли большевикам слезное прошение: «Священный Собор от лица всей нашей дорогой православной России умоляет победителей не допускать никаких актов мести, жестокой расправы и во всех случаях щадить жизнь побежденных. Во имя спасения Кремля и спасения дорогих всей России наших в нем святынь, разрушение и поругание которых русский народ никогда и никому не простит, Священный Собор умоляет не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу».

Утром 3 ноября юнкера сдались. Вышли из подземелий монахи и монахини. Большевики, овладев Кремлем, тотчас ввели жесточайший пропускной режим. Члены Собора спешно перебирались кто в общежитие, кто в монастыри, кто на квартиры. Батюшка Алексей отправился в Докучаев переулок, к сыну.

Расставаясь с монахами Чудова монастыря, сказал им, поклонясь:

– Теперь настало время исповедничества. Согревайте, отцы, чувство сердечного раскаяния в себе. Раскаяние помирит нас с Богом.

Избрание

– Проходите, гражданин Беллавин! – Солдат-латыш еще раз посмотрел в пропуск и вернул митрополиту.

Делегация Собора миновала Спасские ворота.

– Чье же теперь сердце у России? – вскинул брови Тихон. – Латышское?

В центральном куполе Успенского собора зияли пробоины.

– Что же это за пушкари такие? – вырывалось у Тихона. – По ком они стреляли?

– По Богу, владыка! По Богу! – Нестор Камчатский перекрестился.

Растерянно стояли на Соборной площади.

От пуль стали щербатыми стены собора Двенадцати апостолов. Следы попаданий на Благовещенском, на Архангельском соборах. Пустыми глазницами окон глядят строения Чудова монастыря. В его храмах, в корпусах – рваные дыры.

Вышли из Кремля через Никольские ворота. И здесь ужас поругания. Расстреляна большая икона Николая Чудотворца.

Всем было так тягостно, что слова не шли на ум. По пути к экипажам епископ Нестор попросил Тихона:

– Владыка, как вернемся – дайте мне слово. Все это надо запечатлеть: да ведают потомки православных.

Единого мнения о расстреле Кремля все-таки на Соборе не было. Граф Олсуфьев разрушения назвал случайными.

Епископ Нестор, наоборот, говорил о намеренном расстреле.

– Все это богохуление. Прицельно стреляли по иконе Казанской Богородицы на Троицких воротах, прицельно – по иконе Николая Чудотворца... Осквернение святынь большевиками совершено по обдуманному плану! – заключил свою речь Нестор.

Олсуфьев возразил:

– Расстрел Кремля начали юнкера.

– Зачем вы так?

– Ради истины. В храмы Чудова монастыря залетали снаряды юнкеров. Но крест с одного из куполов Василия Блаженного большевики сбили из-за пустого озорства. Как бы там ни было, я предлагаю немедленно издать книгу «Расстрел Московского Кремля». И обязательно с иллюстрациями.

Собор поддержал предложение Нестора, а потом и профессора Булгакова: «Осудить перед лицом народа выступление большевиков и поругание ими святынь Кремля».

В тот же день другая депутация Собора была на приеме у комиссара Москвы солдата Муралова. Открыть Кремль для избрания патриарха товарищ Муралов не разрешил. Позволил, однако, вынести из Успенского собора чудотворную икону Владимирской Божией Матери, на один день и тайно.

– Чтоб никаких крестных ходов, а то еще демонстрацию мне устройте!

«Страшитесь отступлений от веры как начала всех зол» – сию мудрость добыл жизнью в пустыне Антоний, названный Великим. Увы! Не бывало таких времен, чтобы человек не отступал от Бога, от Его заповедей, от истины, не отрекался бы жизнью своей от канонов и преданий святых отцов.

Но вот чудо! Рухнуло государство, вместо Временного правительства в Россию пришла «временная» жизнь, и в этой же пустыне, сожженной огнем человеческих игрищ с сатаной, поднимался росток непорочной православной веры. Веры не по надобности, не ради выгоды и оглядки на других, но выстраданной, сбереженной из последних сил. Впрочем, страдания были впереди, а пока Господь даровал России патриарха, и члены Собора, полагаясь на волю Всевышнего, 4 ноября дружно поехали в Новый Иерусалим, где патриарх Никон воспроизвел иерусалимские христианские святыни. Эта икона на холмах, на лугах, на реках казалась теперь чудотворною.

Патриарх, вчера еще чуждый для многих, становился единственной надеждой на спасение самого имени «Россия», «русские». Все поняли наконец: патриарх нужен не ради правильного церковного канона и не ради украшения торжественных богослужений, но ради жизни здесь, на равнинах России, на всех ее просторах от края до края. Ради жизни.

В храме Христа Спасителя, вмещавшем двенадцать тысяч богомольцев, было тесно. Служили митрополиты Киевский Владимир, Петербургский Вениамин, девять архиепископов, два протопресвитера, три митрофорных протоиерея, шесть архимандритов, иереи собора.

Действо, которого так все ждали, началось после чтения часов. Митрополит Владимир вошел в алтарь, встал у приготовленного столика, и секретарь Собора Василий Шеин на блюде поднес ему три полоски белой бумаги в одну восьмую доли листа, с синими печатями Собора. Владыка вписал имена трех кандидатов, и записки были представлены свидетелям: служившим в тот день архиереям и выбранным Собором трем клирикам и трем мирянам.

После освидетельствования Владимир свернул записки в трубочки, перегнул, на каждую надел резиновое кольцо, опустил в ковчежец. Ковчежец закрыл, перевязал тесьмой, запечатал сургучом.

Перед началом литургии он же вынес ковчежец из алтаря на солею, поставил на тетрапод перед иконой Владимирской Божией Матери. Это был только список с чудотворной. Чудотворную принесли из Кремля во время чтения Апостола. Большевики с проволочкой, но исполнили обещание, отдали образ.

Каждый в храме чувствовал себя вершителем судьбы русского православия. Молились едино, вдохновенно.

И вот литургия закончена, отслужен молебен чудотворной иконе.

На амвон вышли митрополиты Владимир, Платон, Вениамин, Казанский архиепископ Иаков, Владивостокский Евсевий, Рижский Иоанн, Кишиневский Анастасий, шесть членов Собора – трое от клира, трое от мирян. Последним – затворник иеромонах Зосимовой пустыни семидесятилетний старец Алексей.

Владыка Владимир поднял ковчежец, потряс, поставил. Ему подали ножницы. Даже у входа в храм слышали, как перерезается тесьма.

Владимир откинул крышку ковчежца и благословил Алексея.

Наступили мгновения, когда старец должен был совершить действие, может быть, самое главное в своей жизни.

Трижды осенив себя крестным знамением, зосимовский батюшка взял один из трех жребиев и вручил Владимиру.

Митрополит развернул листочек, прочитал, не напрягая голоса, но внятно:

– Тихон, митрополит Московский.

Мгновение безмерной тишины – и словно бы вздох облегчения:

– Аксиос!

– Аксиос! – подал возглас владыка, и все священство, все молящиеся подтвердили свою радость в третий раз:

– Аксиос! Достоин!

Протопресвитер Любимов вынул из ларца другие два жребия.

Третий по голосованию стал первым по судьбе.

В тот день, причащаясь, владыка Тихон испытал давно забытое чувство. Может быть, даже и младенческое. Вино, Святою Благодатью обращенное в Кровь Господа, обожгло небо, прокатилось электричеством по всем артериям и сосудам, и слышал он благоухание, и сладость была такая же, как в Клину, когда каждую кровинкою соединялся он с Тайной Бога и сам был этой Тайною.

На Троицком подворье жизнь словно бы замерла. Ждали известия.

Тихон прошел в кабинет. Развернул «Русское слово». Бойкий газетчик писал: «Все-таки надо признать, что наши настоящие властители Ленин и Троцкий люди недюжинные. Идут к своей цели напролом, не пренебрегая никакими средствами. Если это и нахалы, то не рядовые, а своего рода гении. Керенский перед ними мелок».

Сообщалось: цена рубля на международных рынках скатилась до четырех копеек.

Главою вооруженных сил назначен Крыленко (товарищ Абрам). Корнилов и Деникин из ставки в Быхове бежали.

Всем послам – отставка.

Тихон осторожно сложил газету, убрал с глаз.

Все, что осталось от старой, от неубитой пока что жизни,

потянется за спасением к патриарху, а вся сила патриарха – в предании да в имени.

Открыл Псалтырь. Прочитал: «Боже! Будь милостив к нам и благослови нас, освети нас лицом Твоим, дабы познали на земле путь Твой, во всех народах спасение Твое. Да восхвалят Тебя народы, Боже; да восхвалят Тебя народы все».

Открыл Екклесиаста: «И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб... и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их».

Не находя себе места, взял альбом. Держал в руках, не трогая застежек. Вспомнилось, как шли с отцом в Торопец с кордона. Попали в дождь, но лужи были теплые, земля теплая...

– Вот и шагаю с той поры. Через Америку до Москвы дошел.

Отложил альбом. Снова взял Библию. Открылось на Иезекииле: «И увидел я, и вот, рука простерта ко мне, и вот, в ней книжный свиток. И Он развернул его передо мною, и вот, свиток исписан был внутри и снаружи, и написано на нем: "...плач, и стон, и горе". И сказал мне: сын человеческий! съешь, что перед тобою, съешь этот свиток, и иди, говори дому Израилеву...»

– Господи! – Тихон закрыл глаза. – Я Твой слуга.

И опять взял альбом, смотрел на отца, на мать... Захотелось в Торопец, к нянюшке Пелагее... Где он, тот осколок

изрзца, который был его драгоценностью...

Шумно, распаленно вбежал в комнату келейник Яков Полозов. Тихон, будто придавленный рухнувшим потолком, поднялся старчески тяжело.

– Благословите, святейший! – Яков опустился на колени.

– Я так и знал! – В голосе ни радости, ни отчаяния. Положил на стол альбом, который все еще держал в руках. Благословил Якова.

В кабинет один за другим входили примчавшиеся с радостной вестью.

– Скороходы! – говорил Тихон, поглаживая панагию. – Ах, скороходы!

– Ваше святейшество поздравлять идут! – сообщили очередные гонцы.

– Ваше преосвященство, – поправил Тихон. – Мой Иерусалим пока что за холмами.

Всем примчавшимся прильнуть к славе достойнейшего стало неловко за суетность, виноватыми себя почувствовали. Лицо избранника Господа было покойно, в глазах тихое ласковое смирение, а пожалуй что и обреченность.

Прибыли архиереи. Тихон вышел к ним. Митрополит Владимир объявил:

– Преосвященнейший митрополит Тихон, священный и великий Собор призывает твою святыню на патриаршество богоспасаемого града Москвы и всея России.

– Благодарю, приемлю, коли суждено мне, недостойному, быть в таком служении, – ответил Тихон.

Приветственную речь сказал Антоний (Храповицкий):

– Ваше избрание нужно назвать по преимуществу делом Божественного промысла по той причине, что оно было бессознательно предсказано друзьями юности, товарищами вашими по академии.

Поклонился Тихону в ноги, за Антонием и все архиереи. Поклонился и Тихон пришедшим поздравить его:

– Ваша весть об избрании меня в патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: «плач, и стон, и горе» и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль. Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно в настоящую тяжелую годину. Подобно древнему вождю еврейского народа, пророку Моисею, и мне придется говорить ко Господу: «Для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка... Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня». Отныне на меня возлагается попечение о всех церквях российских и предстоит умирание за них во все дни... Ах, тяжело все это, но надо исполнять Божью волю...

Наконец его оставили одного.

Сел в свое сухонькое деревянное креслице.

– Вот, батюшка Иван Тимофеевич, как сны-то вещи смотреть!.. Патриарх твой Вася... Боже мой, но что это такое на деле?

День интронизации назначили на 21 ноября, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы.

7-го Тихон уехал в Троице-Сергиеву лавру.

Приготовление души

Скоро уединение было нарушено: пришлось на день вернуться в Москву. Первое решение, которое принял Божий избранник, было горестное. На 13 ноября большевики назначили похороны своих героев. Кладбищем избрали Красную площадь, памятником – Кремлевскую стену.

Но надо было предать земле и защитников Временного правительства. Родители убиенных обратились в Собор с просьбою прислать священников для отпевания.

После переговоров с властями Тихон назначил местом панихиды храм Вознесения и обратился к архиепископу Евлогию:

– Вы бы съездили...

Вот что пишет сам Евлогий об этом скорбном дне: «Рядами стоят открытые гробы... Весь храм заставлен ими, только в середине проход. А в гробах покоятся, – словно срезанные цветы, – молодые, красивые, только что расцветшие жизни: юнкера, студенты... У дорогих останков толпятся матери, сестры, невесты... Много венков, много цветов... Невиданная, трагическая картина... В надгробном слове я указал на злую иронию судьбы: молодежь, которая домогалась политической свободы, так горячо и жертвенно за нее боролась, готова была даже на акты террора, – пала первая жертвой осуществившейся мечты... Похороны были в ужасную пого-

ду. Ветер, мокрый снег, слякоть... Все прилегающие к церкви улицы были забиты народом. Это были народные похороны... Большевики в те дни еще не смели вмешиваться в церковную жизнь».

Приложившийся к мощам преподобного Сергия Радонежского соединяет душу и жизнь свою с веками, отпущенными России для ее служения Высшей Воле, с веками минувшими и с грядущими. Через поцелуй, отдавая себя, обретает молящийся благодать для нынешнего.

Плакал Тихон, роняя слезы на святой покров, ибо открыл преподобному всю свою детскую беспомощность перед огромным миром, поклонившимся злу, исповедал все недостойнство, какое знал за собой.

Те слезы были тайные. Они тотчас просохли, когда в храм вошел монах-чтец...

Вернувшись в келию, Тихон уснул.

Пробудился уже при солнце. Вспомнил, что один из иноков дал ему вчера тетрадочку с какими-то выписками.

Умылся, помолился, сел под окном почитать. Первым стояло изречение Иоанна Златоуста: «С пришествием антихриста между нечестивыми и отчаявшимися в спасении своем умножатся постыдные наслаждения – тогда будет чревоугодие, объедение и пьянство. Таким образом Христос приводит пример, совершенно подходящий к обстоятельствам дела. Как в то время, говорит Он, когда приготавлился Ковчег,

люди не верили, и даже тогда, когда был готов и предвещал им близкое несчастье, они спокойно смотрели на него и предавались удовольствиям, так и теперь: явится антихрист, за которым будет кончина, после кончины последуют наказания и неизреченные мучения, а люди, опьяневши от разврата, не почувствуют никакого страха и пред этими будущими бедствиями».

Далее была помещена выписка из святителя Игнатия Брянчанинова: «В самом настроении человеческого духа возникает требование приглашения антихриста, сочувствие ему, как в состоянии сильного недуга возникает жажда к убийственному напитку. Произносится приглашение, раздаётся призывный голос в человеческом обществе, выражающем настоятельную потребность в гении из гениев, который бы возвел вещественное развитие и преуспевание в высшую степень, водворил на земле то благоденствие, при котором Рай и Небо делаются для человека излишними...»

Для Америки все это верно, но для России? Тихону вспомнился его келейник Яков, который ходил перед отъездом в Троицу на базар и удивлялся ценам: курица стоит десять рублей, за костюм просят тысячу, за башмаки – две с половиной сотни...

Среди изречений святых отцов попало слово Достоевского: «Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а то тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает.

А ведь не все же и в народе – мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают».

Кончилась тетрадошка фразой, записанной крупными буквами: «Весь ад восстал на Россию».

Тихон вздохнул и пошел одеваться.

Его ожидали в Параклите.

Солнце на небе стояло, как нищенка, словно бы не смея переступить порог избы. Свет лился хоть и ласковый, но настороженный. Тянуло сквозняком. Серые облака, толпившиеся по горизонту, пахли снегом...

Не доезжая до обители, Тихон вышел из коляски.

– Пешком пройду, – сказал он монаху-вознице.

В лесу было теплее, солнце, радуясь золоту сосен, сияло на стволах, на хвое.

Встретилась поляна. На поляне пирамидкою бревна. Подошел, сел.

Кто-то небось думает: патриарх в лавре погружен в великие думы, но что можно изобрести небывалого для России?

Запастись бы впрок тишиной, ибо тишина на патриаршем месте драгоценнее самого миро.

Травы, несмотря на позднюю осень, были зелены, бугорки возле бревен поросли ласковым мхом.

Тихон прикрыл глаза, чувствуя, какое нежное теперь солнце, какое бережное.

И вдруг услышал:

– Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки

веков. Аминь. Мир тебе, святейший патриарх.

Тихон открыл глаза: перед ним стоял старец-странник. В руке еловый посошок. Лицо постника, но хорошее, приветливое. Седины в бороде, на волосах из-под выдавшей виды скуфы. Глаза светятся печалью.

– Здравствуйте! – поклонился Тихон и показал на бревна. – Отдохните. Последнее тепло...

– Последнее, – согласился старец, садясь рядышком. – Приготовляетесь к служению?

– Боюсь, подготовиться к тому, что ожидает нас всех, невозможно.

– Ждать да гадать – только душу травить, а жить – так и ничего. Потекут дни за днями... И хоть всякий день будет подвигом, а никто этого и не заметит. Русский человек, слава Богу, терпелив.

– Да ведь годы терпит, а у терпения, даже русского, есть предел. Знать бы край, а края, кажется, нет.

– Края нет! – согласился старец. – Бог есть. Не все переплывут море, но море с берегами. Не забыли бы только помянуть, кому переплыть-то суждено, канувших в пучину. Не забудут, и про них тоже вспомнят. Помогут в горький час.

– Вы из Параклита? – спросил Тихон.

– Из лавры.

– Мне ваше лицо очень знакомо, а встречаться, по-моему, все-таки не доводилось.

– В лавре народу много...

Послышались голоса, усиленные эхом.

– К вашему святейшеству спешат. Обеспокоились...

Тихон вздохнул, поднялся:

– Жалко уходить отсюда... Напрасно переполошились.

– Хорошо, что вы смелый человек, – сказал старец.

– С нами Бог.

Старец горестно встряхнул головой:

– Весь ад восстал на Россию! А в море, про которое говорил вам, буря бурю погоняет.

Тихон улыбнулся страннику:

– Ничего. Завтрашний день у Бога, а мы ведь Божьи. Помолитесь о нас. Да благословит и вас Господь.

Пошел на голоса. Монашеские одежды уже мелькали за деревьями.

И тут сердце толкнулось в груди – обернулся. Старец стоял, опершись на посох левою рукой, а правой творил крестное знамение.

– Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Тихон поклонился, снова пошел. И снова сердце беспокойно обмерло.

– Святейший, вот вы где! – спешили к патриарху посланные из Параклита иноки.

Тихон обернулся к бревнам. Старца не было.

Клобук Никона

Поднявшись до зари, Тихон молился в домашней церкви, величая Пресвятую Деву, Богоизбранную Отроковицу, и Ее вхождение во храм.

Душа была покойна, но не покоем неотвратимости – так люди идут под нож хирурга, – а скорее детской уверенностью в праздник: коль день ангела, любящие родители приготовят и пир, и подарки.

– Что-то ты осунулся! – сказал Тихон своему келейнику Якову. – Неужели?

– Здоров, владыка! Ночь не спал.

– Какие-нибудь неприятности?

– О вас думал... Тревожно все-таки...

– Напрасно. Патриарх в России будет – вот что главное.

В Кремль поехали пораньше: большевики для Кремля установили пропускной режим.

Поставление началось в девять часов в соборе Двенадцати апостолов. Приветствуя нареченного патриарха, Платон Тифлисский сказал:

– Святейший Синод с благоговением преклоняется перед промыслом Божиим, избравшим тебя на Патриарший престол Российской церкви.

Тихон, отвечая, помянул о главном:

– Святейший Синод в новом нашем Высшем церковном

управлении должен занять второе место.

В соборе стоял холод, пахло нежилым. В Кремлевских соборах уже не служат, древние стены не обогреты дыханием молящихся...

Перешли в Мироварную палату. Здесь воздух был совершенно леденящий. Отслужили молебен, двинулись шествием в Успенский собор.

Тихон был в голубой мантии, клобук с бриллиантовым крестом. Целовал святые иконы, Царские врата, мощи, образ Владимирской Божией Матери.

Хоры такие, словно Иисус Христос явился в славе и силе и архангел Гавриил поднес трубу к губам. Боже! Боже! Разве не последние времена? В западной стене зияет прореха, на восточной – снаряд оторвал распятому на Кресте Господу обе руки. Страшно за патриарха, жить страшно, молиться страшно...

Под пение Трисвятого всякий человек, бывший в храме, зажег свечу – светили Тихону, взошедшему на горнее место.

Митрополиты Владимир и Платон трижды сажали нареченного на патриаршее седалище, возглашая «Аксиос».

После великой ектеньи, произнесенной Арсением Новгородским, ключарь Успенского собора со диаконами принесли на блюдах патриарший саккос, омофор, крест, панагии, патриаршую митру.

Сошлись времена, чтобы облечь святейшего Тихона в ризы, осененные благословением святых пращуров. Саккос

с плеча Питирима, омофор, пояс, палица – Никона, митра – Адриана, панагии – святейшего первоначальника Иова, крест – Гермогена.

Ах, крикнуть бы – возьми крест, но другой, что полегче. Нет, мученический принял, самый могучий, но и самый горький.

Протодиакон Розов тоже в древнем стихаре. Оплечья и орарь шиты жемчугом. Выйдя через Святые двери, вставши лицом к западу, начал кликать похвалу:

– Святейшему Гермогену, архиепископу Константинопольскому, Вселенскому патриарху, многая лета.

Голос был безмерен, всем чудилось, что святой Царьград слышит сей клик.

– Блаженнейшему Фотию, патриарху Александрийскому, многая лета.

Всякое дыхание в храме затаивалось перед красотой величания.

– Блаженнейшему Григорию, патриарху Антиохийскому, многая лета.

– Блаженнейшему Дамиану, патриарху Иерусалимскому, многая лета.

И тишина. Свершилось чудо, но всем было страшно: после четырехкратного невероятного восхождения остались ли у Розова силы на последнюю похвалу?

– Святейшему Тихону...

Стены темницы, державшие в плену свет России, – рассу-

пались в пух и прах.

– Отцу нашему...

Голос протодиакона слился с хорами, выступившими из глубины времен.

– И патриарху Московскому и всея России...

Мир уже заполнен славою от края и до края и, вздымаясь к Небесам, стлался у подножия престола.

– Многая лета.

Серое пятнышко от тьмы, испепелен сатана.

Стрелки показывали десять часов пятьдесят пять минут.

На глазах участников действия дрожали слезы. Ровно, ясно прозвучал голос патриарха:

– Мир всем.

И слезы пролились.

В одиннадцать часов двенадцать минут святейший осенил дикирием и трикирием молящихся в соборе и всю православную Россию.

После приветственного слова архиепископа Кишиневского Анастасия святейшего патриарха увели в алтарь, разоблачили.

Поднесли патриаршую зеленую мантию, белый клубук Никона, вервицу. Патриарх поцеловал скрижали на мантии, и митрополиты возложили ее на плечи святейшего. Клубук тоже пришелся впору. У всех улыбки. Семнадцатый век дивно послужил двадцатому.

Протопресвитер Успенского собора отец Николай Люби-

мов подал митрополиту Владимиру жезл Петра Чудотворца. Митрополит вручил его пастырю народов.

– Великий и святой день! – Слово Владимир начал радостно, но тотчас стал говорить о корабле, который может разбиться о подводные скалы. – Наше время – это страшное для Церкви время! Положение ее ужасно... Но да не смущается сердце твое, святейший патриарх!.. Как Моисей своим жезлом рассек море надвое и провел евреев целыми и невредимыми по дну морскому, избавив их тем от рабства египетского, так и ты сим священным жезлом управь вверенный тебе православный русский народ и проведи его ко спасению через пучину зол и бедствий, обуревающих его и святую православную Российскую церковь. Да будет так!

Отвечая, Тихон сказал:

– Один мыслитель, приветствуя мое недостойнство, писал: «Может быть, дарование нам патриаршества, которого не могли увидеть люди, более нас сильные и достойные, служит указанием проявления Божьей милости именно к нашей немощи, к бедности духовной». А по отношению ко мне самому дарованием патриаршества дается мне чувствовать, как много от меня требуется и как много для сего мне недостает. И от сознания сего священным трепетом объемлется ныне душа моя. Подобно Давиду, и я мал бе в братии моей, а братии мои прекрасны и велики, но Господь благоволил избрать меня.

Потом был крестный ход к Чудову монастырю. Истинно

крестный ход, под настороженные взгляды латышских солдат в островерхих шапках. Эти шапки, придуманные Васнецовым, – подобие русского шлема – были приготовлены для парадов в Царьграде. Вместо Царьграда взяли с бою свой Кремль.

Солдаты из русских тоже голов не обнажали перед крестами и хоругвями, посмеивались, матерщинничали. Но вот вышел патриарх. Окурки о каблук, шлемы долой.

– Благослови, отец!

А соборы кругом и Чудов монастырь – будто мишени для упражнений в стрельбе.

В древности после поставления патриарх объезжал Кремль, освящал. От традиции не отступили. Шествие открывала колесница, в которой диакон вез крест святейшего. В патриаршем экипаже вместе с Тихоном сидел с чашею со святой водой сакелларий Успенского собора, патриарх же был с иссопом, которым и окроплял народ. За патриархом еще две колесницы. В первой – архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский) и епископ Черниговский Пахомий (Кедров), во второй – летописцы соборного деяния, делопроизводители Священного Синода.

Путь лежал через Троицкие ворота, по Неглинной, по Кремлевской набережной мимо храма Василия Блаженного к часовне Спаса у Спасских ворот. Здесь краткое молебствие. Шествие по Красной площади до Иверской часовни, и снова в колесницах по Воскресенской и Театральной пло-

щадям, по Петровке, Кузнецкому мосту, Неглинному проезду к Трубной площади. На Трубной, возле Птичьего рынка, патриарха встретил крестный ход из Рождественского женского монастыря. Краткое молебствие, многолетие, и патриарх через Самотеку прибыл в свою резиденцию на Троицком подворье.

Всякое радостное, всякое горестное событие на Руси венчается трапезой.

За трапезой не столько ели-пили, сколько слушали речи.

Архиепископ Антоний говорил первым, как всегда, красиво, удивляя неожиданностью сравнений. В Тихоне он видел Кутузова, который через связь воинских событий пытался уразуметь Божественный промысел.

Антоний принял смиренное торжество Тихона, со смирением же сказал:

– Ты, святейший патриарх, дарован нам Божьим чудом, и в этом светлый залог благой надежды на то, что служение твое, невзирая на все скорби окружающей нас жизни, невзирая на то, что поставление твое совершено в священнейшем из русских храмов с пробитым артиллерийским снарядом куполом, – что эта богохульная пробоина совершена русской рукою, а не внешними врагами России и Церкви, – невзирая на все это, будет служением плодоносным для веры и благочиния...

Приветствовал Тихона и ключарь московского кафедрального храма Христа Спасителя протоиерей Хотовицкий,

сподвижник по служению в Америке. Говорил задушевно:

– Тихою скорбию обвеяно лицо ваше. И все нынешнее торжество Русской церкви как бы еще обвеяно печалью и страданием. Ибо оно еще только заря победы, а к победе – еще долгий и многоболезненный путь... Никогда еще враг Неба, диавол, иский, кого поглотити, не оглашал своими страшными проклятиями и не отравлял своим смертным дыханием Вселенную, как в сии дни. И посему торжество нынешнее – это вступление ваше на тягчайший подвиг крестоношения.

Пророки, пророки! Наверное, ведь нравилось говорить так больно, так зримо. Не ведали: слова о крестном пути Патриарха сбудутся совсем уже скоро. Сами и понесут его Крест, сами станут подножием Распятия новых времен.

Митрополит Евлогий вспоминал: когда архиереи и члены Собора возвращались от патриарха в общежитие в Каретном ряду, им встретила на улице безумная женщина в черных одеждах, с черными космами вокруг лица. Завидев рясы, кричала:

– Недолго! Недолго вам праздновать! Скоро убьют вашего патриарха.

А разве не пророчество – клубок Никона впору пришелся? Клубок низвергнутого патриарха, проведшего долгие годы в дальних монастырях...

А возложение панагий святейшего Иова? Тоже ведь изгнан из Москвы. А принятие креста Гермогена? В Кремле

голодом уморен за верность православию и России...

Первые мученики

Патриаршая работа началась для Тихона с утра следующего дня. Был на заседании Собора. Призвал к общему труду на благо Церкви: «Как в живом организме каждый член должен быть на своем месте и содействовать общей работе всего организма, так и в церковном деле».

26 ноября говорил с народом с Лобного места.

27-го – утвердил бывшего архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского) епархиальным архиереем Владимира и Шуи по избранию. В этот же день издал указ о возведении в сан митрополита пяти старейших иерархов православной Русской церкви: Антония Харьковского, Арсения Новгородского, Агафангела Ярославского, Иакова Казанского, Сергия Владимирского.

Среди духовенства тотчас пошла гулять шуточка, пущенная Серафимом Тверским: «Какой урожай белых грибов!» Имели в виду белые клобуки митрополитов.

У большевистской власти тоже дел было по горло, преображали белую Россию в красную. Начали с Декретов о мире и земле, отменили национально-религиозные привилегии, уничтожили сословия и гражданскую Табель о рангах.

27 ноября появился Декрет об отмене частной собственности на дома в городах, и в тот же день была арестована главная избирательная комиссия Учредительного собрания.

Через день – новость: в Петрограде взломаны винные погреба, город потонул в пьяном ужасе.

Стали доходить до Москвы известия о восстаниях против самозванной власти. На Дону выступили казаки во главе с Калединым, на юге – Корнилов, на Урале – Дутов.

Большевики, расправляясь с противниками, объявили врагами народа партию кадетов. Косо посматривали и на Собор.

Святейший Тихон старался не привлекать внимания властей. Сообщив восточным патриархам и главам автокефальных православных церквей о восстановлении патриаршества в России и о своем избрании, он только раз заявил светскому миру о себе: поздравил короля Англии со взятием святого града Иерусалима войсками его величества.

Первейшим делом почитал службу и служил: в Знаменском монастыре, в семинарии, в Троицком подворье, в храме Христа Спасителя, в храме Василия Блаженного, в Успенском соборе Кремля в день преставления святителя Петра, пять дней кряду в рождественские дни... Все это только в декабре.

Зима стала на ноги с Матрены!¹ Было морозно, бело. Но с зимою пришел голод. В Москве хлеб выдавали по карточкам, в день на человека полагалось четверть фунта. На Сухаревском рынке за фунт черного просили два с полтиной, а то и три рубля. Пуд белой муки стоил сто пятьдесят рублей,

¹ Матрена зимняя – 9 ноября по старому стилю.

бутылка водки – полсотни.

5 декабря в Москве прошли демонстрации в защиту Учредительного собрания, 8-го большевики объявили город на военном положении.

В этот же день Тихону сообщили из Петрограда горькую весть: в Царском Селе во время крестного хода с молением об умиротворении Родины арестован и забит до смерти протоиерей Екатерининского собора отец Иоанн Кочуров.

Сразу вспомнился Чикаго, строительство храма... И вот – мученик, первый мученик новых времен, первый из священства.

Смерть гуляла по России, как в кабаке. В Севастополе матросня перебила адмиралов и офицеров – шестьдесят два покойника.

Убивали казаки, убивали казаков...

А власть посыпала страну декретами.

28 декабря в полночь часовую стрелку перевели на один час назад. Восстановили естественное исчисление времени.

31 декабря газета «Дело народа» опубликовала проект Декрета об отделении Церкви от государства.

Тихон готовился к новогодней проповеди в храме Христа Спасителя. Новый год – новые чаяния. Собирался сказать о единении. Было свежо горькое чувство обиды на грузинских епископов. Только что отправил им послание. Нет бы поддержать Российскую церковь в ее беде, куда там! Поспешили отделиться.

Секретарь вместе с газетой принес указ об утверждении епископа Аляскинского Александра (Немоловского) временным управляющим Алеутской и Северо-Американской епархией. Правящий архиепископ Евдоким (Мещерский) возвращался на родину.

Тихон взял газету.

– Вот уж воистину – с Новым годом!

Секретарь ждал, пока святейший вчитается в текст декрета. Спросил после долгой паузы:

– Что будем делать?

Тихон медленно отложил газету на самый край стола:

– Молиться.

В лице невозмутимость, в глазах покой, но приготовленное почти слово новогоднего приветствия кинул в корзину.

Вошел келейник с саквояжем для облачения.

– Еду служить в Марфо-Мариинскую обитель, – сказал Тихон секретарю.

Во главе обители стояла великая княгиня Елизавета Федоровна, родная сестра царицы. Тихона провели в ее келию.

– Простите, святейший! – Настоятельница опустилась на колени перед патриархом. – Не встретила вас. Посмотрите на меня, я опухла от слез. Благословите! Благословите!

Тихон благословил.

– Что стряслось?

Елизавета Федоровна подала газету.

– Это же ограбление! Все, что построено нами, – принад-

лежит народу, все имущество, даже священные сосуды, – тоже достояние народа.

– Пока что проект... – Тихон тяжело вздохнул. – Впрочем, они быстрые.

– Если все это, – Елизавета Федоровна обвела пространство келии руками, – народное, надо обратиться к народу.

– Ленин и Троцкий – не народ, как не был народом любимец масс Керенский, но именно эти люди вершили и вершат судьбы миллионов. Думаю, слушать нас не будут, а на крестные ходы выставят пулеметы... Но молчать, конечно, мы не станем. Пить чашу – так до самого доньшка.

– А знаете, кто готовит Декрет о свободе совести? Иудей Рей-снер. Сведения у меня точные и самые свежие.

– Рейснер? Как не знать. В Вильне лекции читал, славил гений Израилева племени. Я его даже защищал... Это беда.

– Святейший, в Москве все теперь вспомнили о юношеском стихотворении Лермонтова. – Елизавета Федоровна взяла томик полного собрания. – Предсказание...

Настанет год,
России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...

Это уже свершилось.

Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон...

И это свершилось.

Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать...

Вместо чумы – тиф, голод в Петербурге, в Москве!

И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

– Плащ с челом? – улыбнулся Тихон. – Господи, какие теперь плащи?

– Но возвышенное чело! Это же Ленин! Самое ужасное, в автографе у Лермонтова есть приписка: «Это мечта».

– Просвещенные дворяне ненавидели Николая Первого. Все это совпадения, а у страха глаза велики. Помолимся, ма-тушка.

Восхождение на Голгофу

1918 год. Причащение

Москвичи шли в храм Христа Спасителя, ища в патриархе последнюю опору рухнувшей жизни.

– Тихон – не столп, утешитель, – сказал кто-то с горькой усмешкой, когда патриарх, величаво опираясь на посох Петра, встал перед людьми на амвоне.

Начал слово новогоднего приветствия будничным ровным голосом, глядя поверх голов:

– Минувший год был годом строительства Российской державы. Но увы! Не напоминает ли он нам печальный опыт вавилонского строительства?

Пересказывал историю смещения языков отрешенно, почти машинально... И вдруг остановился, вглядываясь в лица прихожан:

– Наши строители тоже желают сотворить себе имя. Своими реформами и декретами облагодетельствовать не только несчастный русский народ, но и весь мир, и даже народы, гораздо более нас культурные.

– Грешны! Грешны! – крестились прихожане.

– Грешны, – согласился Тихон. – Эту высокомерную затею постигнет та же участь, что и замыслы Вавилона... Же-

лая сделать нас богатыми и ни в чем не имеющими нужды, они на самом деле превращают нас в несчастных, жалких, нищих и нагих. Се в Апокалипсисе предсказано. Вместо так еще недавно великой, могучей, страшной врагам и сильной России они сделали из нее одно жалкое имя, пустое место, разбив ее на части, пожирающие в междоусобной войне одна другую...

У патриарха от волнения сел голос, судорога горечи стягивала ему лицо.

О разрухе, о голоде говорил упавшим совсем голосом. Но слово его наполнялось силой и властью, когда принялся обличать нынешнее государство, которое строится без Бога.

– Церковь осуждает такое наше строительство, – говорил Тихон, – и мы решительно предупреждаем, что успеха у нас не будет никакого до тех пор, пока не вспомним о Боге, без Которого ничего доброго не может быть сделано...

И закончил в полной тишине:

– Будем же молить Господа, чтобы Он благословил венец наступающего лета Своею благодатию, и да будет оно для России лето Господне, благоприятное.

Новый, 1918 год начался в России обвальным снегопадом. Остановились трамваи в Москве и в Петрограде. Большевистская власть тотчас ввела всеобщую повинность – от чистки путей освобождались разве что сами комиссары, уж очень занятые.

Купца Колбасникова, которому было далеко за семьдесят, арестовали, присудив к выплате штрафа в девятьсот тысяч рублей. Такие же деньги содрали и с других купчишек, посчитавших, что общая повинность не про них.

Снегопады сменились ядреными двадцатиградусными морозами, но не они были страшны.

Ледяным духом веяло на Православную церковь из безбожного Петрограда. Нарком призрения Коллонтай заgrabастала для нужд своего ведомства банковские вложения Церкви и духовенства. Этого ей было мало. Наркомат свой решительная большевичка разместила в Александро-Невской лавре. Монахов выкинули. Протоиерей Петр Скипетров, пытавшийся протестовать, был убит на месте.

Пролилась кровь любимого большевиками народа в Москве и в Петрограде. Демонстрации в защиту Учредительного собрания разгоняли ружейными залпами. Раненых было больше сотни, три десятка – убиты.

Какие-то солдаты в Петрограде закололи штыками на больничных койках двух бывших министров, Шингарева и Кокошкина, народных ходатаев.

7 января большевики опубликовали декрет о роспуске Учредительного собрания.

Надежды на водворение закона и порядка рухнули. Тотчас началось ограбление всех богатых ради бедных. Якобы. Было объявлено: золотые изделия, превышающие по весу шестнадцать золотников, до 15 февраля должны быть сданы в

казну. За грамм золота власти обещали платить по тридцать два рубля. Это при ценах, когда сажень дров стоила сто сорок рублей, фунт масла – четырнадцать, сыра – пятнадцать, столько же курица, гусь – сорок, индейка – шестьдесят.

Выказывая свою справедливость, новые хозяева жизни потрянули некоторых комиссаров. Открылось: председатель московского Ревтрибунала Моисеев – вор-рецидивист. Товарищ комиссара по отделу финансов Лапицкий сел за мошенничество и пьянство. Проворовался начальник Главверхштаба Шнеур. Человек драгоценный. Постановили: выслать из республики. Это когда русских шлепали направо и налево.

По вестям из Иркутска: в боях и от расстрелов погибли восемь тысяч человек. Расстреляли офицеров в Ялте.

Вот уж истинные времена свободы...

14 января патриарх служил в Николо-Воробьинском храме на Воронцовом поле.

Народа было много. Хотели слышать, что скажет патриарх: как жить, чего ждать, где искать спасения?

Тихон видел перед собой белые исхудалые лица. Это был совсем другой народ, нежели год тому назад, но, Господи, родной. Глаза светились, а возле ртов, даже у совсем молодых людей, – старческие складки от постоянного страха и страдания.

– Россия в проказе, – сказал Тихон.

Голос ударился о стены и разбился как стеклянный, зазвенел...

Святейший стал объяснять, что это такое – проказа, и каждое слово разбивалось, и осколки летели на людей и впились ему же в самый мозг.

– Страдальцы ждут смерти, а ее нет! И обрадовались бы до восторга, если бы нашли гроб... Эти мучительные переживания прокаженных невольно напоминают собою то ужасное состояние, в котором находится ныне наша дорогая Родина, страдальца Россия. Все тело ее покрыто язвами и струпиями, чахнет она от голода, истекает кровью от междоусобной брани. И как у прокаженного, отпадают части ее – Малороссия, Польша, Литва, Финляндия, и скоро от великой и могучей России останется только одна тень, жалкое имя... Вы, конечно, читали сообщения о том, как иногда за границей наши союзники при появлении русских в общественных местах спешат уйти от наших соотечественников, как бы от заразы...

Говорил и видел: все ждут главного – что же делать? Что же делать, пока вот они живы и еще достаточно сильны?

Сказал об ожидании чуда и видел, как в глазах вспыхивает тепло надежды... Замолчал. Он был совершенно седой в свои пятьдесят три года. Патриаршество за считанные недели выбелило.

– Но достойны ли мы милости Божьей – того, чтоб над нами было сотворено чудо? – спросил Тихон и еще спросил: –

Есть ли среди нас, братие, хотя бы немногие праведные люди, ради коих Господь милует народы?

Прихожане молчали.

– То ведает один Бог, – сказал Тихон и прочитал молитву: – На нас, грешных, удиви милость Твою и спаси ны, прежде даже до конца не погибнем.

Закончил и понял: народ ждет от него, от великого пастыря, иного.

Анафема

13 января Третий Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов объединился с Третьим Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов. По мысли большевиков, это и была истинная народная власть, пришедшая на смену контрреволюционерам Учредительного собрания. Объединенный съезд вскоре принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа – ленинскую декларацию. Она уничтожила эксплуатацию человека человеком и определяла цель народов и государства – построение социализма. Российская республика Керенского именовалась отныне Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой – РСФСР. В эти же дни, освобождая народ от кабалы царских долгов и долгов Временного правительства, ВЦИК аннулировал иностранные и внутренние займы. Держатели ценных бумаг росчерком пера стали пролетариями.

– Они ищут деньги и ради денег готовы на любое беззаконие и безобразие, – сказал Тихону секретарь Собора Шейн, подавая газетные вырезки. – Посмотрите. Это так ясно. Спешка с Декретом об отделении Церкви от государства преследует ту же цель: ограбить. Деньги нужны, деньги.

– Да что там деньги! Своим декретом новая власть прихватила два миллиона десятин монастырских земель. Земель

ухоженных, замечательно плодоносных.

– Эти земли они в пустыню превратят... Народ ведь, забирая помещичьи усадьбы, сначала их грабит, а потом сжигает. А что делают с садами, с древними, дивными парками – под топор!

– Народ, – покачал головой Тихон. – Какое благодатное слово, а стало равнозначно чуме...

– Таковы вожди. Как не очуметь!

– Это наша паства.

Вернувшись из Лихова переулка на свое Троицкое подворье, святейший, отказавшись от обеда, сел просматривать подборку вырезок. Шеин был прав. Действовали большевики по-разбойничьи.

Наложили арест на золотой фонд Румынии, который хранился в Москве. А это – двенадцать миллиардов полновесных довоенных рублей.

Перешли в собственность «народа» капиталы семейства Романовых, хранившиеся в банках России, – двадцать четыре миллиона золотом. Правда, основные свои капиталы цари и их высочества предпочитали держать в Англии. Эти русские деньги, видимо, потеряны для русских навсегда.

Изумлял декрет, по которому новая власть объявляла пятилетнюю государственную монополию на издание сочинений отечественных беллетристов. В списке значилось пятьдесят шесть имен.

Уже введена монополия на торговлю золотом и готовит-

ся национализация внешней торговли... В статье из газеты «Утро России» красным карандашом были подчеркнуты слова из речи адвоката Измайлова о большевиках: «Мне ненавистна ваша власть. Я не верю, чтобы вы могли дать счастье не только Европе, как вы заявляете, но и России. Однако вашу борьбу с сепаратизмом, с Керенским – я приветствую, ибо Керенский – это чахотка русской жизни, которая бы удушила страну. Большевицкая же власть – спасительный тиф. Ведь после тифа, если он не смертелен, организм крепнет».

Тиф. Перед глазами встало лицо батюшки Ивана Кочурова.

– Это же хуже девятого января, – вырвалось у святейшего. – Выхвачен из толпы и замучен.

Вошел келейник Яков:

– Преосвященный Нестор пришел.

– Господи, уже темно. Только и ходить по Москве! – Тихон поднялся, поспешил навстречу епископу Камчатскому.

– Я с просьбой, святейший! – Нестор виновато развел руками. – Помните преосвященного Антонина?

– Грановского? Как не помнить! Я с ним в Холме служил. Где он?

– В Богоявленском монастыре, в центре Москвы, на Никольской... Святейший, но в каком он состоянии, Боже мой! Изможденный, худой как щепка... Нижняя рубаха, видимо, годами не менялась, как черное смолье. Воздух в келии

жуткий... На столе черепки, объедки... Ужасно, святейший! Ужасно... Его в больницу нужно поместить.

– Спасибо. – Тихон поклонился Нестору. – Вот грехи! Я уже третий год в Москве, а об Антонине ничего не знал. Самое печальное – ни разу, наверное, не вспомнил за делами-то бесконечными. Пойдемте в кабинет.

Достал из бюро несколько связок керенок, все еще бывших в обороте.

– Прибавьте к своим, устройте в хорошую больницу. – И приказал подать владыке лошадей.

Оставшись один, достал лист бумаги, открыл чернильницу, посмотрел на кончик пера, на календарь. Яков нарочно перелистнул, не дождавшись утра.

Завтра – 19 января – день рождения, день Макария Великого, прошедшего в мертвой для мира пустыни шестьдесят лет...

– А мы вот в миру как в меду. Горьковат, правда, медок, а мир подобен льву-людоеду...

Написал в углу чистого листа: «Да избавит нас Господь от настоящего века лукавого». Открыл Послание к Галатам, сверил, поставил в скобках: «(Гал. 1, 4)».

Голова была ясная, но сердце торопилось, и рука по бумаге побежала быстро, ибо слова являлись сами собой.

«Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремят-

ся к тому, чтобы погубить дело Христово, и вместо любви христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыты и попораны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному. И все это совершается не только под покровом ночной темноты, но и въявь, при дневном свете, с неслыханною доселе дерзостью и беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности – совершается в наши дни во всех почти городах и весях нашей Отчизны: и в столицах, и на отдаленных окраинах (в Петрограде, в Москве, Иркутске, Севастополе и др.)».

Отложил ручку, подошел к иконам, опустился на колени:
– Господи, не оставь!

Золотоликий Спаситель, список с иконы Феофана Грека, смотрел золотыми глазами.

– Господи, не оставь! – повторил Тихон и, вернувшись к столу, написал: «Все сие преисполняет сердце наше глубокою, болезненною скорбию и вынуждает нас обратиться к такому извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прещения² по завету св. апостола: “Согрешающих

² Прещение – запрещение.

пред всеми обличай, да и прочие страх имут” (1 Тим. 5, 20). Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню гееннскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной».

Долго смотрел перед собой в черное окно. Что за гроза – отлучить от причастия тех, кто не только не причащается, но и объявляет Бога детской сказкой... Не страшен этим и народ русский... У Ленина в охране – китайцы, в Москве, в Кремле, – латыши с пулеметами.

– Господи, не оставь!

Писал, скандируя про себя слова:

«Властию, данную Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафемствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной».

– Вот клеймо на века. Думают, управы нет, коли совести нет? А память? Память!

«Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: “Измите злаго от вас самех” (1 Кор. 5, 13)».

Снова отложил перо, надел валенки, шубу, шапку, вышел в сад.

Оттепель, грянувшая в середине января, оставила после

себя на снегу стеклянную корочку льда.

Небо было зияющим, как черные зрачки златоликого Спа-са. Поток Млечного Пути проступал явственно. Было ужасно понимать, что пылинки звезд – это тоже солнца, что перемен в небесах не случится и через десяток-другой человеческих поколений... А вот на земле – жизни человеческие, словно проточная вода... Досталось время, когда Россия в проказе – в проказе! – и надо все это перетерпеть. Может, и убитым быть, но не потерять Бога... В лютой беде – не потерять... Не отречься от самого себя, не отречься от России, от гробов пращуров.

По дорожке между яблонь, которую для него и расчистили, подошел к самой старой, кряжистой.

От звезд, от Млечного Пути, от снега хватало света, чтобы разглядеть: веточки яблони, как из стекла, – оледенели. Зима.

– Зима жизни, – сказал вслух Тихон и почувствовал под шубой и в валенках такое давнее, такое родное торопецкое тепло, будто на печь с Ваней, с Мишей забрался.

– Господи, призвал Ты меня за всю Россию думать, за весь народ русский.

Хотелось крикнуть: «Да как же так? Почему я?» Но сказал прежде:

– Господи, не оставь!

Вернувшись к столу, писал опять-таки быстро, словно все слова давно уже были приготовлены и они сами спешили

выйти на свет, родиться во плоти и жить.

«Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову: благодатные Таинства, – торопливо записывал Тихон, – освещающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними...»

Вспомнил, как широко и нагло оповестили новые цезари о гражданском браке двух комиссаров: Коллонтай, погромщицы лавры, и красного воителя Дыбенко.

«...Святые храмы подвергаются или разрушению через расстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля Московского), или ограблению и кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святы (как Александро-Невская и Почаевская лавры) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержавшиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие пастырей Церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или же прямо в рассадники безнравственности. Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это – народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа... И наконец, власть, обещавшая водворить порядок на Руси, право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своево-

лие и сплошное насилие над всеми и, в частности, – над Святою Церковью Православной».

Помедлив: Антоний (Храповицкий) написал бы похлеще, но и за это поставят к стенке. Посмеют? И ответил себе: они же иезуиты, марксистская каббала – сначала постараются оплевать, раздавить, а уж потом...

Написал сверху, по краю послания: «Готов на всякие страдания, даже на смерть во имя веры Христовой». И подумал: а ведь это их перепугает. Сатане страшны святые мученики.

Заканчивал послание не торопясь, останавливаясь после каждого абзаца.

«Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить наступление на Нее врагов неистовых?»

Перо зависло над словом «врагов», но не зачеркнул. Все надо назвать своими именами.

«Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей».

Призыва к свержению власти здесь нет, есть призыв к защите достоинства и достояния, уличать красных бонапартов в злодействе – дело правое.

«Враги Церкви захватывают власть над Нею и Ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они

права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной».

Перечитал абзац: все так. Нужно только еще сильнее, решительнее. Написал:

«А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: “Кто ны разлучит от любви Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?” (Рим. 8, 35)».

Оставалось обратиться к духовенству.

«А вы, братие архипастыри и пастыри, – написал и вспомнил Антонина: вот чей голос пригодится в битве с сатанистами! Перо побежало по бумаге почти весело. – ...не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной, немедленно устраивайте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления, и мы твердо уповаем, что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою Креста Христова, ибо непреложно обетование Самого Божественного Крестоносца: “Созижду Церковь Мою, и врата адавы не одолеют ея”».

Отступ

Смертный крестный ход

21 января новая власть расправилась с отсталым русским календарем. Было объявлено: «Первый день после 31 января считать не 1 февраля, а 14-м, второй день считать – 15-м».

В Москве говорили:

– Может, всей жизни нашей осталось пять дней, а глядишь, нынешний и есть последний...

На 28-е, когда Церковь поминает учителя покаяния, подобного отцу Ефрема Сирина, был назначен крестный ход на Лобное место.

Крестные ходы должны были пройти по всей России – ответ православного народа на послание патриарха.

Большевикова анафема только обрадовала: удобный случай объявить духовенство врагами народа. В Москве, в Петрограде, в больших и малых городах стены вокзалов, храмов обклеивались листовками: «В связи с Декретом народных комиссаров об отделении Церкви от государства высшим церковным органом в лице патриарха Тихона выпущены воззвания контрреволюционного направления, превратно толкующие этот декрет. На почве такой пропаганды могут

возникнуть народные волнения, ответственность за которые всецело падет на духовенство, если оно не разъяснит народу истинного значения этого декрета. Все церковнослужители, замеченные в распространении таких контрреволюционных воззваний, а также пропаганды в этом направлении, будут караться со всей строгостью революционного времени вплоть до расстрела».

Такую вот листовку принесла старицу Алексею его духовная дочь Мария, зубной врач.

– Батюшка, до какого ужаса дожили! Неужто антихрист в мир пришел?

– Антихрист им еще нужен! – рассердился старец. – Нет, матушка, это созрели плоды отступничества нашего. Еще Давид говорил: «Рече безумец в сердце своем: несть Бог». Он говорил «в сердце», а теперь люди на каждом углу вопят: нет Бога! Власти же приказали даже в школах учить малых детей: нет Бога!

– Прости меня, батюшка! Прости мерзость мою.

– Прости и ты меня. Ступай в храм, приобщись обязательно. Нынче всюду будет общая исповедь перед крестным ходом. Ведь, того и гляди, закроют святые обители, а там и храмы.

– Батюшка, вот все мы и говорим: грешны, грешны... А бывает, задумаешься – и жалко себя. Уже столько лет – одни слезы да ожидание! Хоть бы чего-то доброго! А вместо доброго – новая беда, крест все тяжелей да тяжелей. И

покажется вдруг: мелких грехов, невольных, может, и много, но жизнь-то ведь такая – иные праведники в пустынях и в дебрях подобного не испытали. В чем мой грех, когда власть безбожная!

Батюшка сокрушенно покачал головой:

– Коли докучают помыслы, возьми да и плюнь незаметно... На сатану плюнь... Гордиться нам нечем. Если и есть что в нас хорошего, так то не наше – Божье. Нашего ничего нет... Как гордыня-то вспучится, спроси себя, да не шепотком, а вслух: «Уж очень я хорошая? И это кто сделал?» Перебери грехи – помысел и отойдет.

– Батюшка! Миленький! Как же я устала! А просвета нет!

– Не ропщи! Если бы Господь забыл тебя, не явил к тебе милости, ты и жива бы не была. Ты не видишь Его милостей, потому что хочешь своего и молишься о своем, а Господь знает, что тебе полезнее. – Благословил. – Ступай поскорее в храм. Мне тоже пора.

– Неужто нас всех завтра убьют? Всю Москву?

– Если придем все – не убьют.

К смерти прихожане храмов готовились спокойно: приобретались семьями.

Общий молебен на Лобном месте был назначен на час дня. Со всех концов Москвы на Красную площадь стекались осенние святыми иконами и хоругвями крестные ходы.

Старец Алексей шел от Епархиального дома вместе с

членами Собора. Впереди патриарх, за ним златоризое священство. Лес крестов вырос от Спасских ворот до Иверской часовни возле Думы. А на стене Думы вместо иконы Спаса кричал на всю Москву лозунг: «Религия есть опиум для народа».

При виде патриарха все едино запели пасхальный тропарь. Слышались возгласы: «Христос воскрес!»

Народ был с Богом, с Церковью, и все-таки участник того великого деяния записал в своем дневнике не без горечи: «Народа много, но не вся Москва».

Дошла ли до Всевышнего Престола молитва православной России?

Пулеметы не всюду молчали. В Воронеже большевики закрыли Митрофановский монастырь, но народ ударил в колокола и сорвал печати с храмов. По крестному ходу красная солдатня открыла огонь из винтовок, но у народа тоже было припасено оружие. Ответили. Тогда большевики вывели броневики, ударили пулеметы. Погибли семнадцать человек.

Постреляли народ в Туле, в Шацке.

Когда старец Алексий после хождений по Москве едва живой от усталости добрался наконец до дому, сын перепугался, хотел бежать за врачом.

– Я здоров и счастлив, – прошептал батюшка. – Я так много узнал нынче.

– Да что же ты узнал?

– А то и узнал: без православия человек – пустая бочка.

И заснул, как ребенок.

Новое небо, новая земля

3 февраля на Соборе был поднят вопрос о Местоблюстителе Патриаршего престола. Вдруг вошел патриарх. Все встали, поклонились святейшему. На благословение пропели «Ис полла эти дэспота», но у каждого сердце упало в недобром предчувствии.

Тихон занял председательское место и сразу начал говорить:

– К великой скорби, слухи об убийстве митрополита Владимира подтвердились. В ночь на двадцать шестое января в Киево-Печерскую лавру пришло несколько солдат. Потребовали, чтобы их провели к «хозяину» лавры. Митрополит уже спал. Солдаты его подняли, обыскали келию... Им нужны были большие архиерейские деньги, а нашли они только сто рублей... Приказали одеться, объявили, что поведут в комиссариат... Никто из перетрусившей братии не проявил желания проводить владыку... Утром двадцать шестого выскопреосвященного нашли за лаврой убитого. На теле оказалось несколько ран, пулевых и штыковых...

Всякий в том зале почувствовал себя убитым. Святейший потаенно вздохнул, но все услышали этот вздох.

– Давайте закроем заседание. Отслужим теперь же панихиду по убиенному святителю, новоявленному священномученику митрополите Владимире.

Кто-то сказал:

– А ведь сей дом владыка строил.

Зал примыкал к иконостасу. Сняли ширмы, закрывавшие иконы и Царские врата, избранные служить облачились.

У всех на памяти были благодарственные слова Антония (Храповицкого), сказанные первенствующему митрополиту в день, когда жребием патриархом был назван Тихон: «В недавние совсем времена, когда другие совершенно изолгались и постоянно изменяли своим убеждениям, митрополит Владимир не боялся говорить правду царям, и не с улыбкой, как наш старинный поэт, но со слезами... Это был живой пример нашим владыкам, часто в последние годы переживавшим борьбу между правдой и выгодой, между совестью и честью от людей...»

Господь взял к Себе воистину первенствующего, но скромнейшего. На Соборе владыку даже в президиум не избрали.

Он уехал в Киев, чтобы быть с паствой в тяжелейшие времена. Украина отделилась от России. Хотел принести мир в хаты и в храмы, но попал прямо-таки в плен.

В Киеве под одобрение националистических властей в церковных делах хозяйничал изгнанный из Владимира за лакейство перед Распутиным архиепископ Алексей (Дородицын). Лоснящийся от жира, безобразный многопудовый боров – владыка был олицетворением всего худшего, что выказала верующим церковная иерархия. Украина – украин-

цам, а Дородицын вдруг вспомнил, что он истинный хохол, и решил показать синодскому первоначальнику всю свою незаконную власть. Наместничество в Киево-Печерской лавре тоже самозванно захватил архимандрит Климент, такой же самостийник, угодник сильных мира сего. Митрополит Владимир жил в лавре. Его начали притеснять мелко и подло. Не давали лошадей; священников, искавших опоры у митрополита, отсылали к Алексею.

В книге владыки Евлогия «Путь моей жизни» об убийстве Владимира высказана горчайшая правда: «В злодействе свою роль сыграл и Алексей Дородицын, но кровь его и на монахах лавры».

Когда большевики взяли Киев, их командующий Муравьев поселился в лаврской гостинице, наставника Климента предупредили: «Если к вам ворвутся с обыском, с требованием денег – звоните ко мне».

Евлогий утверждает: сами монахи указали матросам, их было всего пятеро, где искать деньги. Народ-де несет в лавру много, а братии достается мало, все проедает он, хозяин Украинской церкви.

Один только келейник владыки, семидесятилетний инок Филипп, последовал за высокопреосвященным, но часовые у ворот его не пустили. Климент почему-то не осмелился побеспокоить Муравьева... Позвонил коменданту города и услышал: приказа об аресте не было. Тотчас полсотни матросов отправились на поиски митрополита, искали не боль-

ше получаса и вернулись ни с чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.